

ГЛАВА I

— Все готово, мисс Уэлз, но, к сожалению, мы никак не можем предоставить вам шлюпку.
Фрона Уэлз с живостью поднялась с места и подошла к старшему офицеру.

— У нас дела выше головы, — объяснил тот, — и к тому же золотоискатели такой скоропортящийся груз... По крайней мере...

— Понимаю, — перебила она, — и я веду себя не лучше их. Простите за беспокойство, но, но... — Она, быстро повернувшись, указала на берег. — Видите тот большой бревенчатый дом? Между группой сосен и рекой? Я родилась там.

— На вашем месте я и сам, пожалуй, торопился бы, — сочувственно пробормотал офицер, провожая ее по запруженной людьми палубе.

Все толкались и мешали друг другу, громко переругиваясь между собой. Несколько сот золотоискателей требовали, чтобы их снаряжение немедленно выгрузили на берег. Все люки были широко раскрыты, и краны со скрипом поднимали кверху из глубины трюмов разрозненный багаж пассажиров. Ряды плоскодонок, теснившихся вдоль обоих бортов парохода, принимали груз, который им опускали сверху. На каждой из них теснилась группа мужчин. Обливаясь потом, они набрасывались на спускающиеся канаты и с горячечной поспешностью осматривали тюки и ящики. Стоящие на палубе размахивали багажными квитанциями и громко переговаривались с другими через борт. Подчас двое или трое одновременно заявляли права на одно и то же место багажа, и тогда разгоралась настоящая война. Различные клейма — два кружка и кружок с точкой — вы-

зывали бесконечные споры, и на каждую пилу находилось не меньше десятка претендентов.

— Комиссар говорит, что сойдет с ума, — сказал старший офицер, помогая Фроне пробраться к сходням, — а багажные конторщики вышвырнули весь груз пассажирам и не желают больше палец о палец ударить. Однако мы все же оказались счастливее «Вифлеемской звезды», — продолжал он, указывая на пароход, стоявший на якоре в четверти мили от них. — Одна половина ее пассажиров привезла с собой вьючных лошадей для переправы через Скагуэй и Белый перевал, а другая оказалась вынужденной отправиться на Чилькут. Все они взбунтовались, передрались между собою, и теперь там полная забастовка.

— Эй! — окликнул он лодку, осторожно пробирающуюся в стороне от этой суматохи.

Какой-то маленький баркас, геройски таща за собой большую буксирную баржу, попытался пройти между флотилией плоскодонок и лодкой. Лодочник попробовал было срезать ему нос, но маневр, к несчастью, не удался. Лодка повернулась кругом и затормозила на месте.

— Берегись! — крикнул старший офицер.

Две семидесятифутовых пироги, нагруженные снаряжением золотоискателей и индейцами, под полными парусами неслись с противоположной стороны. Одна из них круто повернула к сходням, но вторая прижала лодку к барже. Лодочник успел вовремя поднять весла, но его маленькое суденышко под натиском пироги затрещало и заскрипело, грозя перевернуться. Он поднялся на ноги и в кратких, но чрезвычайно сильных выражениях предал всех лодочников и рулевых всего мира вечному проклятию. Какой-то человек, перегнувшись через борт баржи, покрыл его отборнейшей трескучей руганью, на которую индейцы и белые, находившиеся в пироге, ответили презрительным смехом.

— Эй ты, растяпа, — крикнул один из них, — научился бы раньше грести!

Кулак лодочника опустился на скулу злополучного критика, и тот, оглушенный, свалился на беспорядочно сваленный груз. Не довольствуясь этой расправой, оскорбленный лодочник снова занес руку, а ближайший к нему золотоискатель схватился за револьвер, к счастью, плотно застрявший в светлой кожаной кобуре. Его товарищи-аргонавты, покатываясь со смеху, ожидали, чем кончится дело. Но пирога снова двинулась, и индеец-рулевой, ткнув концом своего весла лодочника в грудь, сшиб его с ног.

Когда поток ругательств и проклятий достиг полной мощи, а кровопролитная стычка казалась неминуемой, старший офицер бросил украдкой взгляд на девушку, стоявшую рядом с ним. Он ожидал увидеть испуганное и смущенное девичье лицо, но, к великому удивлению, встретил разгоряченный и глубоко заинтересованный взгляд.

— Мне, право, очень неприятно... — начал он.

Но она не дала ему закончить.

— Какие пустяки. Напротив, все это мне страшно нравится. Впрочем, я очень рада, что револьвер застрял в кобуре, иначе...

— Нам не скоро пришлось бы высадиться на берег, — с улыбкой тактично вставил офицер. — Этот малый настоящий разбойник, — продолжал он, указывая на лодочника, который плыл теперь вдоль борта парохода. — Он запросил ни больше ни меньше как двадцать долларов за то, чтобы доставить вас на берег. И при этом добавил, что с мужчины он ни за что не взял бы меньше двадцати пяти. Говорю вам, что это сущий пират и виселица давно уже плачет по нем. Двадцать долларов за полчаса работы. Ну, не безобразие ли это!

— Эй, вы там, полегче на повороте, — предостерег его лодочник; он неуклюже причалил к пароходу и перекинул одно весло через борт. — Не ваше это дело выражаться здесь разными словами, — прибавил он, вызывающе стряхивая с рукава воду, набежавшую с весла.

— У вас неплохой слух, милейший, — заметил старший офицер.

— И верный кулак, — выпалил тот.

— И язык без костей.

— Да, уж иначе в нашем деле никак нельзя. Вам, морским акулам, только попадись, — живо слопаете. Это я-то разбойник? А вы кто же будете? Тоже, подумаешь, честные люди нашлись! Напихают в свое корыто тысячу пассажиров, ровно сельдей в бочку, пичкают их тухлятиной, обращаются с ними хуже, чем со свиньями, а дерут за это вдвое дороже, чем за первый класс. Это я-то разбойник, я?

Над перилами показалась вдруг чья-то красная физиономия, и раздраженный голос заорал:

— Да выгрузите ли вы когда-нибудь мой багаж? Слышите, мистер Терстон? Сейчас же выложите мне его! Немедленно! На вашей паршивой скорлупе застряло пятьдесят мест моего багажа, и если вы не выгрузите их в два счета, плохо будет. Каждый день задержки обходится мне в тысячу долларов. Я не потерплю этого. Слышите вы? Вы принялись очищать мои карманы с той минуты, как мы вышли из Сиэтла. Будет, хватит с меня! Клянусь всеми чертями, что я разнесу вашу компанию, не будь я Тэд Фергюсон. Слышите, что я говорю? Я — Тэд Фергюсон, и если вы дорожите своей шкурой, пошевеливайтесь. Слышали?

— Разбойник! — продолжал возмущаться лодочник. — Это кто же разбойник, я?

Мистер Терстон умиротворяюще махнул рукой краснолицему и повернулся к девушке:

— Я охотно проводил бы вас до самого дома, но вы видите, как мы завалены работой. До свиданья и счастливого пути. Я сейчас же прикажу людям спустить ваш багаж, а не позже завтрашнего утра он будет в лавке.

Она слегка пожала ему руку и опустилась в лодку. Под тяжестью ее тела утлая посудина накренилась и сильно зачерпнула, так что ноги Фроны оказались по шиколотку

в воде. Однако она отнеслась к этому совершенно спокойно и уселась на корме, подобрав под себя ноги.

— Стой! — крикнул офицер. — Так не годится, мисс Уэлз. Вернитесь обратно, и я постараюсь при первой возможности добыть для вас одну из наших шлюпок.

— Скорее я увижу вас на том свете, — возразил лодочник, отталкиваясь от борта. — Эй, пустите, — угрожающе крикнул он.

Мистер Терстон еще крепче ухватился за шкафут и в награду за свое рыцарство получил сильный удар лопаткой весла по пальцам. Тут он вышел из себя и, забыв обо всем на свете, не исключая и мисс Уэлз, стал яростно ругаться.

— Наше прощание, пожалуй, могло бы выйти более трогательным, — крикнула ему девушка, и смех ее разнесся по воде.

— Черт! — пробормотал он, галантно снимая фуражку. — Вот это женщина! — и в нем проснулось вдруг страстное желание вечно видеть свое отражение в серых глазах Фроны Уэлз. Он не любил копаться в собственной душе, но чувствовал, что с этой девушкой охотно отправился бы на край света. Мистеру Терстону вдруг опротивела его профессия, и им овладело искушение бросить все и двинуться в Клондайк, куда направлялась она. Но тут он взглянул на облепленный людьми борт парохода, увидел красную физиономию Тэда Фергюсона и сразу позабыл о прекрасном сне, который пригрезился ему за минуту перед тем.

Шлеп, дзз! Пригоршня воды с весла усердного лодочника плеснула прямо в лицо Фроне.

— Надеюсь, вы не сердитесь, мисс? — виноватым голосом спросил лодочник. — Я стараюсь как могу, а толку вот мало.

— Да, пожалуй, — добродушно ответила она.

— Не скажу вам, чтобы я слишком любил море, — с горечью продолжал он, — но нужно же человеку как-нибудь честно заработать свои несколько долларов? А это верный

хлеб. Эх, был бы я теперь в Клондайке, если бы не мое проклятое невезение. Уж расскажу вам, как было дело. Все мое снаряжение погибло в Рукаве Ветров, после того как я благополучно перетащил его через Перевал...

Шлеп, дзз! Она смахнула с век воду, снова залившую ей лицо, и заерзала от холодных струек, которые скатывались по ее теплой спине.

— За вас-то бояться нечего, — подбодрял он ее. — Вы, прямо сказать, созданы для этих мест. Отправляйтесь смело, у вас получится.

Она весело кивнула.

— Да, вы справитесь, что и говорить. Так вот, потеряв свое снаряжение, я вернулся к берегу, чтобы заработать себе на другое. Вот почему я и беру такие деньги с пассажиров. Надеюсь, мисс, вы не в претензии на меня, что я столько запросил с вас? Право, я не хуже других, мисс. С меня содрали целую сотнягу за эту старую калошу, а в Штатах за нее никто и десяти бы не дал. Здесь всюду такие цены. Там, на Скагуэе, гвозди для подков стоят ни больше ни меньше как по четверти доллара за штуку. Человек подходит к стойке и спрашивает виски, а виски — это полдоллара. Ладно, опрокидывает он свое виски, кладет за него два подковных гвоздя — и квит. Никому и в голову не придет отбрыкнуть от гвоздей, они ходят в тех местах за монету.

— А вы, должно быть, с характером человек, если собираетесь снова отправиться в эту страну после такого печального опыта. Как вас зовут? Мы, может быть, еще встретимся там.

— Кого? Меня? Меня зовут Дэл Бишоп, золотоискатель; и если мы когда-нибудь свидимся с вами, помните, что я охотно сниму для вас последнюю рубашку, то есть я хочу сказать, что с радостью отдам вам последний кусок.

— Спасибо, — ответила она с ласковой улыбкой, ибо Фрона Уэлз была женщиной и любила все, что идет прямо от сердца.